

особенно подробно. Так, он неоднократно предлагает и обосновывает собственные датировки и хронологию некоторых событий, например, упомянутого выше бегства Альмоша в Византию, начала и основных этапов затяжного конфликта конца 40-х — начала 50-х годов, борьбы Венгрии с Венецией из-за Задара в 1171—1172 гг. и др.

Помимо пересмотра утвердившейся в историографии датировки ряда событий Ф. Макс предлагает новые трактовки некоторых широко известных и не обойденных вниманием его предшественников в венгерской (и не только венгерской) литературе фактов. Так, с его точки зрения, нуждается в переоценке история Бель-Алексея, будущего венгерского короля Белы III, который находился в Византии с 1163 г., был помолвлен с Марией, дочерью Мануила Комнина, и объявлен его наследником. В историографии еще в XIX — начале XX в. утвердилось мнение, что Мануил вынашивал планы будущего объединения двух государств под властью Белы. Ф. Макс полагает, что назначение Белы наследником византийского престола "не имело вовсе никакой венгерской подоплеки" (с. 97). Во-первых, потому

что в первой половине 60-х годов младший сын Гезы II никак не мог претендовать на венгерскую корону — спор за нее вели младшие братья Гезы II и его старший сын Иштван III. Во-вторых, анализируя ситуацию в самой Византии, автор приходит к заключению, что такой зять и наследник был удобен Мануилу как "чужак", полностью зависящий от императора.

В рамках настоящей рецензии не представляется возможным сколько-нибудь подробно пересказать содержание чрезвычайно насыщенного фактами, основанного на привлечении широкого круга венгерских, византийских, западноевропейских, западно- и восточнославянских источников исследования. Несомненно лишь, что книга представляет интерес как для специалистов, занимающихся политической историей XII в., которые могут найти в ней свежий взгляд на многие хорошо известные факты, так и для читателя, желающего составить общее представление об одном из наиболее захватывающих и драматичных периодов в истории взаимоотношений Венгерского королевства и Византии.

А. В. Ратобильская

Ζαχαριάδου Ε. Α. 'Ιστορία καὶ θρύλοι τῶν παλαιῶν σουλτάνων. (1300—1400). Ἀθήναι, 1991. 234 σελ. 2 хар.

Изучение истории раннеосманского государства только начинается. Несмотря на явный интерес к такому феномену, как рост Османской державы, которая на протяжении XIII—XV вв. прошла путь от небольшого бейлика до империи мирового значения, исследования, касающиеся начального этапа османской истории, немногочисленны¹. Во всяком случае, еще не создан труд, в котором были бы объединены данные как византийских и западноевропейских, так и всего корпуса османских источников, включая исторические сочинения вплоть до XVI—XVII вв., а также османские кадастры. Кроме

того, научная разработка османской историографии далека от завершения: несколько статей Х. Инальджика и В. Л. Менажа² не могут восполнить пробел. До сих пор не анализировалась подробно система взглядов османских историков, их мировоззрение, только частично восстановлены не дошедшие до нас источники, которыми, однако, пользовались такие авторы как Ашикпашазаде, Нешри, Урудж, Яздыжоглу Али, Шукруллах Заки, Саадеддин и другие.

Исследование Элисавет Захариаду "История и мифы о древних султанах" посвящено именно этому сложному периоду становления османского государства в 1300—1400 гг.³

© Д. А. Коробейников, 1998

¹ Основными трудами здесь следует назвать монографии Виттека и Кёпрулю. См.: *Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938; Köprülü M. F. Les Origines de l'empire ottoman // Etudes Orientales. P., 1935. N 3*. Именно эти две работы оказали влияние на послевоенную историографию, в частности на концепцию Инальджика. См.: *Inalcik H. The Emergence of the Ottoman Frontier Principality // The Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. I. P. 266—269*. Однако в последнее десятилетие точка зрения П. Виттека была подвергнута критике в трудах Р. Линднера, Р. Дженнингса и других исследователей, подробнее см.: *Жуков К. А. Особенности образования Османского государства (XIII — XV вв.) // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1277—1278*.

² *Inalcik H. The Rise of the Ottoman Historiography // HME. P. 152—167; Ménage V. L. The Beginnings of the Ottoman Historiography // HME. P. 168—179*. См. также статьи этого автора в: *BSOAS (1963) № 20. P. 50—54, № 30 (1967). P. 314—322*. Кроме того, существует монография Ф. Бабингера, но она производит впечатление скорее справочно-библиографического издания, а не историко-исследовательского исследования: *Babinger Fr. Die Geschichtschreiber über die Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927*.

³ Захариаду также автор многих других работ, посвященных проблемам истории Балкан, Трапезундской империи, Эгейских эмиратов: *Zachariadu El. Romania and the Turks (c. 1300—1500) // VR. L., 1985; Eadem. Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983*.

Захариаду поставила своей задачей перевести и проанализировать данные хроники Яхши Факиха (с. 11—12, 41—42). Эта хроника, послужившая основой для многих других османских исторических сочинений, охватывала предположительно период от ранней истории тюрков до 1402 г. (с. 47). Труд Яхши Факиха не дошел до наших дней. Однако Ашикпашазаде, который в конце XV в., предположительно в 1484—1485 гг. (с. 43), написал "Историю рода Османа", включил сочинение Яхши Факиха в свое собственное. Поскольку греческая ученая считает, что хроника Ашикпашазаде в отношении событий до 1402 г. адекватно отражает содержание труда Яхши Факиха (разумеется, не без некоторых изменений и дополнений — с. 47—48), то ею был переведен именно текст Ашикпашазаде (с. 101—213).

Свой перевод Захариаду предварила небольшим исследованием, в котором в равной мере анализируются как сам характер османской историографии, ее традиции, среда, где она возникла и развивалась, так и османское господство в Вифинии и во Фракии, завоевание последних владений Византии, а также контакты тюрков-османов с покоренным греческим населением. Несмотря на то, что оба вопроса (османская историография и османская держава сама по себе) производят впечатление разнородных, различие между ними только кажущееся: Яхши Факих и Ашикпашазаде были свидетелями османских завоеваний, личное восприятие современных им процессов во многом нашло отражение в их сочинениях. Исследованию связи письменной традиции с жизненной реальностью подчинена вся структура работы Захариаду: после небольшого введения о ранней тюркской истории вплоть до 1300 г., когда у тюрков впервые появляются ростки этнического самосознания, следует глава, в которой дан краткий очерк османской историографии, ее особенностей (с. 34—37), во второй главе "Турецкие хроники XIV века" дана характеристика ряда исторических сочинений: "Мусамарат ал-ахбар" Аксарайи, "Искендернаме" Ахмеди, "Дестан" Умур-паши Айдыноглу (1330—1348), хроника Яхши Факиха, "Теварих-и ал-и Осман" Ашикпашазаде, "Джихан — нюма" Нешри (с. 38—46). По тому, как Ашикпашазаде и Яхши Факих относятся к тем или иным османским султанам (от Османа до Мурада I), делается вывод, что решающее влияние на их мировоззрение оказала идеология гази, воинов, ведущих "священную войну" против "неверных"⁴.

⁴ Гл. III: "Яхши Факих и Ашикпашазаде". С. 47—57. См. особо с. 55—56, где обоснованно, на мой взгляд, утверждается, что умолчание в хронике Яхши Факиха о союзе Иоанна Кантакузина (1347—1354) и бея Орхана в 1346 году вызвано именно взглядами гази, столь характерными для этого хрониста.

Дальнейшее исследование касается собственно истории бейлика османов⁵.

В этих последних четырех главах для восстановления реальной картины османской экспансии используются как византийские источники (в частности, "История" Пахимера), так и данные османских кадастров⁶. Должен отметить, что греческие авторы проанализированы Захариаду безукоризненно.

Основные возражения сводятся к следующим трем пунктам.

Во-первых, в работе отсутствует очерк историографии. Захариаду скорее всего, является сторонником теории Инальджика-Виттека: она подчеркивает значение деятельности воинов-гази как в становлении османского государства, так и в формировании мировоззрения османских хронистов (с. 35); работы критиков "концепции гази" не перечислены в списке литературы; наконец, Захариаду называет Османа (1281—1326), Орхана (1326—1362), Мурада I (1362—1389) "султанами", в то время как Р.К. Дженнингс пришел к выводу, что эти правители были просто "бегями"⁷, т.е. об их лидерстве как предводителей гази; наследников Сельджукидов и т.п. в реальности говорить не приходилось. Как было сказано выше (см. примеч. 1), теория Виттека-Инальджика не является бесспорной, — в этой ситуации исследователю необходимо четко обосновать свою позицию. Кроме того, вопрос о влиянии идеологии гази на османскую историографию, на мой взгляд, не решается столь однозначно: тот же Яхши Факих не всегда следует принципу коренной вражды христиан и мусульман (в этом смысле, всякое сотрудничество между ними подлежало осуждению) и приводит сведения о союзе ряда христианских архонтов с османами (с. 103, 186, эти факты с данной точки зрения Захариаду не проанализировала).

Во-вторых, страдает односторонностью подбор османских источников. Кроме Ашикпашазаде, сочинение Яхши Факиха (в сокращенном варианте) использовали Урудж и автор одной из анонимных староосманских хроник⁸. Однако Захариаду даже не упоминает эти произведения. К тому же, на мой взгляд, исследовательница недооценивает значение труда Нешри: "Джихан-нюма" — не просто компи-

⁵ Это 4 главы: "Яхши Факих и его эпоха" (С. 58—75), где дан анализ сведений Яхши Факиха о раннеосманском государстве с поправкой на его мировоззрение), главы "Вифиния" (с. 76—91), "Фракия" (с. 92—100), "Новые владения и прежние обитатели" (с. 101—116), где говорится о контактах османов с покоренным греческим населением.

⁶ *Barkan Ö. L., Meriçli E. Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri*. Ankara, 1988. I: Türk Tarih Kurumu.

⁷ *Jennings R. C. Some Thoughts on the Gazi-Thesis // WZKM*. 1986. Bd. 76. P. 158-161.

⁸ *Inalcik H. The Rise...* P. 155.

ляция хроники Ашикпашазаде (с. 44—45). Нешри сам использовал много других не дошедших до нас источников⁹. Нет никакой гарантии, что Нешри не заимствовал напрямую само содержание труда Яхши Факиха, следовательно, при реконструкции этой хроники нельзя ограничиваться одним Ашикпашазаде.

В-третьих, имеются отдельные неточности. Захариаду полагает, что бейлик Карасы стал османским в 1347 г. (с.24), — на самом деле с большей или меньшей долей уверенности можно утверждать, что османы покорили этот эмират после 1345 г.¹⁰ На мой взгляд, исследовательница также преувеличивает темпы исламизации в среде тюркского населения (с. 28—29), называя здесь решающим VIII в. Однако этот процесс

происходил неравномерно, ему был дан мощный импульс после обращения Сельджукидов в ислам, т.е. в середине X в.¹¹

В целом необходимо отметить, что недостатки монографии Захариаду обусловлены во многом тем, что это первая попытка выявить рациональное зерно в сложных для анализа сведениях османской историографии, соединяющей черты мифа и исторического предания, первая попытка синтеза на различных уровнях (от анализа топонимических названий до исследования исторических фактов и системы жизненных представлений) греческих и османских источников. В этом, как мне кажется, заключается основное достоинство работы.

Д. А. Коробейников

⁹ *Ménage V. L. The Beginnings...* P. 175. Как показывает сравнительный анализ хроник Нешри и Ашикпашазаде, для периода 1300-1402 гг. сведения у этих двух авторов не всегда дублируются. Обусловлено ли это явление употреблением разных источников или наличием разных списков труда Яхши Факиха, еще предстоит выяснить.

¹⁰ Жуков К. А. Эгейские Эмираты в XIV — XV вв. М., 1988. С. 45-46.

¹¹ Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI — XII вв. М., 1992. С. 23.